

Примечания

1. Пыкин В. М. Переселение старообрядцев в Сибирь совершалось в течении ряда лет... // Бурятия. 2007. 6 апр.; Пыкин В. М. К вопросу о времени поселения в Забайкалье старообрядцев-семейских // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. С. 140-146; и др.
2. Пыкин В. М. Важный источник по истории Тарбагатайских старообрядцев // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья. – Улан-Удэ, 2000. – С. 30-32.
3. Болонев Ф. Ф. Сокровища земли Тарбагатайской. – Улан-Удэ, 2011. – С. 10.
4. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 40.
5. Покровский Н. Н. К истории появления в Сибири забайкальских «семейских» и алтайских «поляков» // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. обществен. науки. 1975. № 6. Вып. №2. С. 109-113.
6. Кобузан В. М., Троицкий С. М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. // Советская этнография. – 1966. № 3 (май-июнь). С. 28-29.
7. Подсчитано нами на основе: ГАРБ. Ф. 50. Оп. 7. Д. 40. Л. 30, 60об.
8. История Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 2. – С. 551, 552.
9. Фриш С. Э. Сквозь призму времени. – М.: Политиздат, 1992. – С. 335-336.

УДК (94"1870/1879":271.2-86)+930(470)
doi: 10.18101/978-5-9793-0771-8-114-120

© **Б. Б. Сажин**

Отношение к старообрядчеству и религиозному сектанству в революционном народничестве в 70-е гг. XIX в.

Статья посвящена малоизученному в историографии вопросу об отношении революционных народников к религиозным течениям, оппозиционным синодальному православию. В работе в сжатом виде рассматриваются причины обращения народников к теме «религиозных отщепенцев», дается краткий обзор взглядов идеологов народнического движения по данной проблеме, изучается место вопроса об отношении к старообрядцам и сектантам в народнических доктринальных установках, анализируются попытки сближения народников со старообрядцами, а также с сектантами, предпринятые радикальной интеллигенцией в 1870-е годы. Особое внимание уделяется опыту «хождения в народ», его влиянию на изменение тактики революционных народников в отношении староверов и сектантов, на создание планов проникновения в общины религиозных неконформистов и закрепления в них в качестве наставников.

Ключевые слова: революционное народничество, старообрядчество, беспоповцы, «странники», сектанство, А.И. Герцен, М.А. Бакунин, А.П. Щапов, кружок «чайковцев», «хождение в народ», «Земля и воля», А.Д. Михайлов, И.И. Каблиц.

B. B. Sazhin

Revolutionary Narodniks' attitude to Old Believers and religious sectarianism in 1870's

The article is devoted to the issue which was insufficiently explored in historiography: the attitude of revolutionary Narodniks to the religious movements oppositional to Synod Orthodoxy. The article makes a brief overview of the reasons of Narodniks' interest to the issue of "religious renegades", Narodnik movement ideologists' views on this issue, attitude towards Old Believers and sectarians within the Narodniks doctrinal framework, Narodniks' rapprochement attempts with Old Believers and the sectarians made by radical intelligentsia in 1870's. Special attention in the article is given to the experience of "khozhdenie v narod", its influence on the revolutionary Narodniks tactics change towards

Old Believers and sectarians, and plans on penetration into the non-conformists religious commonalities and staying within as instructors.

Keywords: revolutionary Narodniks, Old Believers, bezpopovtsy, pilgrim, sectarianism, Hertsen A.I., Bakunin M.A, Shchapov A.P., “khozhdenie v narod”, “Land and Liberty”, “Chaikovtsy” group, Mikhailov A.D., Kablits I.I.

Народническая доктрина зарождается в конце 50-х – первой половине 60-х гг. XIX в. Становление революционного течения в данной мировоззренческой системе приходится на конец 60-х – 70-е гг. Я разделяю точку зрения В. В. Зверева, что «народничество – это, в первую очередь, явление общественной мысли, реакция образованного меньшинства России на происходившие в стране гигантские изменения: становление товарно-денежных отношений, складывание совершенно новой социальной стратификации, разрушение основ традиционной культуры... глубинные составляющие народничества: понимание критерия прогресса, идеала справедливого общественного устройства, обоснование особого положения России в мировой цивилизации и попытка наметить альтернативный, некапиталистический путь ее развития; определение интеллигенцией особенностей своего собственного отношения к государству, к народу в условиях модернизации страны» [8, с. 23].

Неприятие капитализма, вера в социалистический потенциал крестьянской общины заставляла народников искать в России конкретные силы, в которых они могли бы увидеть реальное воплощение своих чаяний и надежд. Так, в поле особого внимания народников попали последователи религиозных течений, которые в литературе и официальных документах этого времени объединялись понятием «раскол». «Совокупность всех вообще религиозно-бытовых протестов и разномыслии русского народа», – так определял «раскол» А. С. Пругавин [12, с. 305]. Иными словами, в понятие «раскол» демократической интеллигенцией включались и старообрядчество, и сектантство.

Идеалистическое восприятие старообрядчества и сектантства было заложено еще идеологами народничества в 40-60-е гг. XIX в. В 1851 г. в статье «Русский народ и социализм» осторожный в оценках А. И. Герцен, рассуждая о нравственности русского народа, «вытекающей инстинктивно, естественно из его коммунизма», поддерживаемой Евангелием, об его цивилизационном противостоянии с властью и духовенством, выделял «раскольников», отрицавших и самодержавие, и церковь, обнаруживавших солидарность в борьбе с ними за идеалы общинного устройства [6, с. 164-165]. Известно, что сотрудники Вольной русской типографии, прежде всего В. И. Кельсиев и Н. П. Огарев, надеялись привлечь староверов к борьбе против самодержавия. Характерно, что с целью привлечения на свою сторону религиозных инакомыслящих планировалось воспользоваться беспоповским учением об антихристе [10, с. 29].

Еще ранее, в 40-е годы, на народные религиозные движения обратил внимание М. А. Бакунин, позднее ставший одним из сотрудников герценовского кружка и одним из самых активных сторонников идеи о высоком революционном потенциале староверов. Сопоставляя все высказывания одного из идеологов

анархизма, можно утверждать, что в 40–60-е гг. XIX в. М. А. Бакунин воспринимал старообрядчество в качестве крупного социально-политического движения, аккумулировавшего антицентралистские и свободолюбивые стремления русского народа, его движение к просвещению. Отчетливо проявляется радикальная политизация Бакуниным «религиозного отщепенства», представлявшегося чуть ли не единственной силой в народе, способной поднять массы на вооруженное сопротивление самодержавному деспотизму [2, с. 1022; 3, с. 405-406, 415]. Революционер также не обошел вниманием эсхатологические доктрины беспоповских согласий, интерпретировав их как «грозное политическое предупреждение, исходящее из уст старообрядцев в адрес царского правительства» [10, с. 30].

Несомненную роль в формировании идеалистического отношения народников к старообрядчеству сыграли труды А.П. Щапова, прежде всего его работа «Земство и раскол», опубликованная в журнале «Время» в 1862 году. По мнению А.М. Эткинды, в работах казанского профессора выдвинутая им «земско-федеративная», или «земско-областная» концепция русской истории, стала в то же время и программой политического развития России [16, с. 102]. В ее контексте читателям сочинений А. П. Щапова старообрядчество должно было представляться в качестве социального организма, вместившего в себя самобытно-народные идеалы общинного анархизма. Народники, изучая работы историка, убеждались в ненависти староверов к самодержавию, в их стремлениях активно бороться с властью. Именно, по-видимому, оценки А. П. Щапова определили в будущем настойчивость многих из революционеров в поисках сближения с одним из самых радикальных направлений беспоповства – согласием «странников» (бегунов). В нем, как считал ученый, наиболее четко проявили себя демократические стремления «раскола» [5, с. 17]. «Все учение бегунов, – утверждал А. П. Щапов, – есть всецелое, решительное, деятельное и фактическое отрицание всех основных начал и учреждений империй, всей государственной системы» [15, с. 574].

Надежды на политическую активность старообрядцев и сектантов формировалось у народников под воздействием и других источников – исторических сочинений, публицистики, из непосредственного знакомства с представителями различных конфессиональных течений. К источникам, которые ориентировали демократическую интеллигенцию на народные религиозные движения, следует отнести, на наш взгляд, Евангелие. Многие из народников трепетно относились к Священному Писанию, считая учение Иисуса Христа, по сути, анархо-коммунистическим [1, с. 91; 4, с. 351; 11, с. 43-44; 7, л. 150 об.]. Евангелие, как считали многие, являлось для «религиозных отщепенцев» не только основой их верования, но и краеугольным камнем их практических образцов жизни. Отсюда классификация общин религиозных протестантов как сообществ братства и любви, в которых отсутствует жесткая иерархическая структура. По-видимому, революционеры, читая Священное Писание, те выводы, к которым они приходили, автоматически переносили и на сознание старообрядцев и сектантов.

Таким образом, к началу 70-х годов XIX в. в среде русской интеллигенции сформировалось определенное интеллектуальное пространство, в котором уже жили своей жизнью, поддерживаемые верой самих народников, готовые образ-

цы для идеалистического восприятия народных религиозных движений. Революционные народники, вероятно, в «религиозных отщепенцах» выделяли политическую составляющую их учений. Народные религиозные движения, особенно беспоповские старообрядческие согласия, воспринимались как часть народа, сохранившие и проводившие в практической жизни исконно русские, анархистско-традиционалистские начала политического и социально-экономического обустройства человеческого жизни. Защищая эти начала против государственной централизации, они поднимали вооруженные бунты и восстания, зафиксированные источниками. Гонения на старообрядцев и сектантов лишь усиливали их активное, «действенное» сопротивление. Отсюда выводилось заключение о высоком революционном потенциале «религиозных отщепенцев» и возможности союза с ними в борьбе против самодержавия.

Ключевую роль в развитие идеи привлечения старообрядцев и сектантов к революционной борьбе сыграл столичный кружок «чайковцев», особенно один из его руководителей М.А. Натансон [9, с. 283; 1, с. 260]. Чайковцы распространяли среди молодежи книги по «расколу», рекомендовали собирать сведения на местах о народных религиозных движениях, требовали от будущих участников «хождения в народ» дословного знания текста Священного Писания и использования его в пропаганде, определяли географию будущей деятельности, главным образом, Поволжье и Урал – центры распространения старообрядчества и сектантства в Российской империи. Многие из «чайковцев», например, С. М. Кравчинский, Д. М. Рогачев, О. В. Аптекман, Д. А. Клеменц, А. Я. Ободовская, сами пропагандировали антигосударственные и социалистические идеи среди старообрядцев и сектантов.

Во время «хождения в народ» в 1874-1876 гг. значительная часть радикальной молодежи отправилась на Украину, Кавказ, Дон, в Поволжье и Урал, в места расселения староверов и сектантов, с целью поднять их на бунт против самодержавия. Многие народники искали, правда, безрезультатно, представителей согласия «странников». В Киеве по инициативе И. Ф. Фесенко даже образовался специальный кружок, члены которого сосредоточили свои усилия исключительно на революционной работе среди староверов и сектантов.

Несмотря на довольно благожелательное отношение к народникам-пропагандистам, поднять на вооруженное восстание представителей оппозиционных синодальной церкви религиозных течений нигде не удалось. Вместе с тем идеализация народных религиозных движений не исчезла. Это было связано прежде всего с тем, что в сравнении с православным населением староверы и сектанты показались в политическом отношении более привлекательными для реализации планов дальнейшей пропагандистской работы в их среде. Опыт «хождения в народ» подтвердил многие предположения об оппозиционности старообрядцев и сектантов по отношению не только к господствующей церкви, но и к местным властям, об их высоком интеллектуальном потенциале, о попытках реализации в общественной жизни евангельских начал, близких к социалистическим идеалам. Все это позволяло народникам надеяться в будущем поднять «религиозных отщепенцев» на вооруженную борьбу с правительством и построить в России анархо-коммунистическое общество.

Нежелание староверов и сектантов активно сопротивляться власти стало причиной корректировки революционными народниками своих действий. Пропаганда среди «штундистов» на юге России предоставила материал для разработки плана «рационализации» религиозных диссидентов. В данном случае предполагалось в результате длительного проживания вместе с сектантами вывести их из-под влияния религиозных руководителей, перевести постулируемую ими религиозную оппозиционность в секуляризированные формы и, соответственно, поднять всеобщее восстание. План этот так и остался на уровне идеи, так как был сложен в реализации из-за отсутствия на тот момент времени людей, которые могли бы стать инициаторами данного проекта. Второй вариант предполагал «мистификацию» «религиозных отщепенцев». В этом случае народникам предлагалось полностью перевоплотиться в староверов или сектантов. Затем, рассчитывая на знания и интеллект, стать религиозными наставниками (начетчиками) и, используя апокалиптические предчувствия верующих, поднять их в свою очередь на вооруженную борьбу. В данном случае объектом приложения сил революционных народников должны были стать староверы-беспоповцы (главным образом, «бегуны») и последователи новых сект («штунда», «неплательщики» и другие). По сути это направление стало развитием той идеи, которую в 60-е гг. выдвинул В. И. Кельсиев. Среди участников «хождения в народ» первыми, кто заговорил о такой возможности, стали Рогачев и Кравчинский, планировавшие закрепиться лидерами, соответственно, у «странников» и молокан [16, с. 118; 14, с. 320]. Реализовываться же этот вариант действий стал в рамках деятельности революционной организации «Земля и воля».

Среди землевольцев человеком, сыгравшим ключевую роль в проведении идеи революционного союза с течениями религиозного протеста, был А. Д. Михайлов. Отправившись в 1877 году в Поволжье на поиски «странников», он близко сошелся с представителями другого беспоповского толка, «нетовцами» («Спасово согласие») деревни Синенькие Саратовской губернии, где и провел целую зиму в качестве приглашенного учителя. В итоге, в начале 1878 г., им был разработан план приобщения староверов беспоповского толка к революционной борьбе. Целью замысла Михайлова являлась организация крупномасштабного вооруженного восстания староверов с традиционными крестьянскими требованиями («земли и воли») и, соответственно, интерпретированного эсхатологического учения беспоповцев. Предварительными действиями по реализации поставленной цели определялись: 1) перевоплощение революционеров в последователей «старой веры» посредством тщательного изучения всех сторон жизни старообрядцев, их вероучения, обрядовой практики; 2) организация поселений в общинах беспоповцев, сближение, а по возможности, «слияние» с новыми «единоверцами»; 3) позиционирование себя в качестве начетчиков с последующей пропагандой нового эсхатологического учения, переводящего «пассивный» протест старообрядцев в более активные формы. План Михайлова не был осуществлен по нескольким причинам. Во-первых, трудоемкость замысла и неприятие его многими землевольцами. Во-вторых, наметившийся в это время поворот в деятельности революционеров в сторону политического индивидуального террора. В-третьих, вероятное осознание самим Михайловым нравственной несостоятельности подготовленного им плана работы среди старообрядцев и сектантов.

Опыт «хождения в народ» и пропаганды среди староверов и сектантов вызвали необходимость осмысления проблемы «раскола» на новом теоретическом уровне. Как следствие в 1878 году в легальной печати публикуются статьи Ковальского и Каблица, посвященные данной теме. В работе «Успехи рационализма на юге России» (Отечественные записки. 1878. № 3,5) Ковальский, два года тесно общавшийся с штундистами, пытался обосновать тезис о постепенном угасании элементов религиозного мировоззрения в новейших сектах при неизбежном для этого процесса росте социальных и политических тенденций. Отрицательное отношение к власти, братское отношение к людям, практический анархизм сектантов создавали реальную возможность для народников, не прибегая к мистификации, стать во главе ряда народных религиозных движений и повести их на борьбу с самодержавием. Такова основная, хоть и не явно выраженная, мысль статьи Ковальского.

Особое место в контексте отношения революционных народников к народным религиозным движениям занимает публицистика И. И. Каблица. Убежденный бунтарь, он в конце 70-х гг. XIX в., близкий еще к землевольческому кругу, в своих работах пытался на примере старообрядцев и сектантов обосновать положение о развитии «революционных чувств» в русском народе. Религиозные диссиденты в ранней публицистике представлены им социально-политическим движением, стремившимся воплотить в жизнь самобытные, исконно народные мировоззренческие конструкты. Это анархизм в политической сфере и социализм в социально-экономической. В наибольшей степени указанные стремления проявлялись в беспоповских согласиях старообрядчества. Отмечаемый их количественный рост свидетельствовал об общем усилении в народной массе антигосударственных и антикапиталистических тенденций. Обнаруженный автором рост рационализма в среде беспоповцев доказывал, по мнению Каблица, реальность развития и закрепления на русской «почве» анархо-социалистических идей общественного мироустройства [13, с. 30]. В целом работы народника отражали те тенденции, которые существовали среди землевольцев, в частности А. Д. Михайлова по отношению к «религиозным отщепенцам».

В самой «Земле и воле» роль теоретика-«расколовед» примеривал, по видимому, Г. В. Плеханов, которому поручили написать соответствующую статью для пятого номера одноименного революционной организации печатного органа. По Аптекману, «статья должна была быть посвящена расколу, его историческому значению и той роли, которую ему предстоит сыграть в ближайшем революционном будущем русского народа. Разумеется, раскол должен рассматриваться с строго народнической точки зрения, через призму знатока и авторитета по расколу, покойного А. П. Шапова». Статья была написана, одобрена..., но в номер не попала. «Земля и Воля» находилась накануне своего раскола, и значительная часть землевольцев к этому времени уже развернулась лицом к политическому террору, отказавшись от работы в деревне. А «в статье Плеханова, очевидно, было слишком много народничества» [1, с. 363].

С изменением революционной стратегии интерес радикальной народнической интеллигенции к старообрядцам и сектантам угасает, а после разгрома «Народной воли» и вовсе на время исчезает. В спектр внимания революционеров «религиозные отщепенцы» вновь попадают уже в начале XX века после образования партии со-

циалистов-революционеров, идейных наследников «активного» народничества.

Таким образом, традиции демократического направления в осмыслении проблемы народных религиозных движений были заложены в 40-60-е гг. XIX в. Основной вклад в трансляцию идеи о социалистическом и анархистском потенциале старообрядцев и сектантов внесли А. И. Герцен и сотрудники Вольной русской типографии, а также М. А. Бакунин и А. П. Шапов. В 70-е гг. XIX в. вопрос об отношении к старообрядчеству и сектантству становится одним из важных для представителей народничества. Революционные народники подчеркивали, в первую очередь, антиправительственную, политическую составляющую в учениях старообрядцев и сектантов, видели в них возможных активных борцов с самодержавием. В конце 70 – начале 80-х гг., интерес народников к староверию и сектантству постепенно исчезает. Причины, с одной стороны, заключались в разочаровании в революционных возможностях «религиозных отщепенцев», с другой – в повороте к политическим методам борьбы.

Литература

1. Аптекман О. В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. – Пг.: Колос, 1924. – 459 с.
2. Бакунин М. А. Русским, польским и всем славянским друзьям // Колокол: газета А.И. Герцена и Н. П. Огарева. Вольная русская типография. 1857-1867. Лондон-Женева. Факсимильное издание. Вып. V. – М., 1962. – С. 1021-1028.
3. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. 1828. Т.3. Период первого пребывания за границей. 1840-1849. – М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. – 572 с.
4. Богучарский В. Активное народничество семидесятых годов. – М.: Сабашниковы, 1912. – 383 с.
5. Вишленкова Е. А. Проблема церковного раскола в трудах А. П. Шапова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань: Б.и., 1992. – 18 с.
6. Герцен А. И. Русский народ и социализм // Избранные произведения. Т. 2. – М.: Мысль, 1986. – 654 с.
7. ГАРФ. Ф. 112. ОППС. Оп. 1. Д. 378.
8. Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX века. – М.: Уникум-центр, 1997. – 365 с.
9. Короленко В. Г. История моего современника. Т. 1-2. – Л.: Худож. лит., 1976. – 548 с.
10. Перекрестов Р. И. Из истории взаимоотношений старообрядцев с кружком А. И. Герцена // Старообрядчество: история, культура, современность. – М., 2012. Вып. 14. – С. 28-35.
11. Процесс 1893-х / предисл. В. Каллаша. – М.: Саблин, 1906. – 181 с.
12. Пругавин А. С. Значение сектантства в русской народной жизни // Русская мысль. 1881. № 1.
13. Сажин Б. Б. Политическая составляющая проблемы «раскола» в ранней публицистике И. И. Каблицы (И. Юзова) // Вопросы гуманитарных наук. – 2004. – № 2 (11). – С. 25-31.
14. Степняк-Кравчинский С. М. Грозная туча России: смерть за смерть. Подпольная Россия. С. И. Бардина. Ольга Любатович. С.М. Степняк-Кравчинский в воспоминаниях современников. – М.: Новый ключ, 2001. – 431 с.
15. Шапов А. П. Земство и раскол Сочинения: в 3 т. – СПб.: Б.и., 1906. Т. 1. – 803 с.
16. Эткинд А. М. Другой путь от книги к революции: Афанасий Шапов и его читатели // Русский исторический журнал. – 1998. – Т. 1. № 3. – С. 96-148.